Так, так, — за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Бесценны перстни, камешки
Я брал с нее бы за безделья,
И был — гудком —
Давно мурза с большим усом. . .
Богов певец
Не будет никогда подлец.

Потому, сочиняя похвальные оды по заказу («Решемыслу») или по необходимости («Изображение Фелицы», «На рождение царицы Гремиславы»), Державин внешними похвалами всегда создавал программу, «каковым вельможам быть дóлжно», «каковым царям быть дóлжно».[27] И когда по воцарении Павла тот же Храповицкий стихами упрекнул Державина в лести Потемкину и Зубовым (а подразумевалось прежде всего, конечно, — покойной Екатерине), поэт ответил стихами же:

Храповицкой! дружбы знаки
Вижу я к себе твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

А по-твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды,
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под ярмом
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали —
Чувствуем ярмо свое. . .

По-видимому, именно этот трезвый взгляд на вещи, вообще свойственный Державину, не давал ему возможности до конца принять до поры до времени предромантический (и романтиче-

[27] Иначе говоря, в этих случаях Державин прибегал к помощи созданного М. В. Ломоносовым жанра оды-рекомендации, или программной оды. Совпадая по внешним признакам с «обыкновенной» похвальной одой, ода программная отличается тем, что поэт хвалит адресата якобы как за сделанное за то, что, по его, поэта, мнению, сделать еще только надлежит. Скоро, однако, программный характер ломоносовской оды забылся, и уже Радищев упрекал Ломоносова в том, что он «льстил похвалою в стихах Елисавете». Критика XIX в. это «забвение» распространила на всю поэзию предшествующего столетия — включая Державина.